

18+

Последний день На том свете

Лев Найдёнов

Лев Найдёнов

Последний день на том свете.

Между живым и любимым...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70875989
ISBN 9785006418400

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Главный герой – эксцентричный подросток со своими сложностями; он пытается найти себя и понять, что для него есть счастье, но времени ему остается не много. Джеймс узнает, что смертельно болен и впадает в кому. Находясь в летаргическом сне ему мерещатся видения, в которых он знакомится с таинственной девушкой и между ними сразу проблескивает искра. Приходя в себя, он ищет новой встречи с ней, но наш герой даже не подозревает, какой секрет она скрывает – девушка и есть сама смерть.

Содержание

Вступление	5
Глава I	7
Глава II	23
Глава III	29
Глава IV	35
Глава V	40
Глава VI	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

**Последний день
на том свете
Между живым
и любимым...**

Лев Найдёнов

© Лев Найдёнов, 2025

ISBN 978-5-0064-1840-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Каждую ночь, перед тем как провалиться в сладкие объятия сна, я представляю, как пролетаю мимо уютного городка, где-то неподалеку от моря. Медленно приземляюсь на тихую улочку, что граничит с пляжем, и достаю свои сигареты. Нужно перевести дух и покурить, пока я жду рассвет. Надо мной шелестят листья пышных зеленых деревьев, мой силуэт растворяется в утренней дымке, солнце только начинает подходить к горизонту. Я томно затягиваюсь, мне некуда торопиться, смакую канцерогенный дым – он неспеша сливается с коралловым небом. Уходя вниз по улице, я чувствую, как первые лучи солнца трогают мою спину.

Встретив рассвет, я решил где-нибудь перекусить и увидел небольшое уютное кафе, от которого исходит сладкий запах выпечки, корицы и, конечно же, кофе. Столик на летней террасе не занят – сегодня чудесная погода, ни к чему чахнуть в помещении. Заказал себе легкий завтрак, читаю книгу или набираю сообщение кому-то в телефоне, думаю о своем и наслаждаюсь симфонией звуков раннего утра. Слышу, как шелестят листья, слышу отдаленное журчание океана, улавливаю стук морозящих по асфальту капель дождя, цепляюсь за голоса беседующих о чем-то людей, что не спеша проходят с зонтиками мимо. Мне приносят вкуснейший кофе с парочкой тостов. После завтрака я прохаживаюсь вдоль уз-

ких улочек, усеянных тускло горящими фонарями. Мне хочется выпить. Я взял бутылку виски в магазинчике неподалеку и зашагал к пляжу. На берегу никого нет, я сбрасываю обувь и, глотая немного жгучего пойла, смотрю, как тучи затягивают небо. Волны приобретают серо-голубой цвет. Морская вода пенится и нежно обнимает мои ноги. Наглядевшись на серые тучи, что так приятно контрастируют с бушующими морскими барашками, мои ноги плавно отрываются от земли, и уже в следующее мгновение я устремляюсь куда глаза глядят; пробиваю насквозь потолок из хмурых облаков и вдыхаю свежий запах дождя. Лечу по бескрайним широтам верхнего слоя атмосферы, и чувства переполняют внутреннее дитя. Я абсолютно спокоен и полон внутренней решимости к новым вызовам от жизни.

Скитания по миру, дождливое утро, близкий человек рядом и чувство внутренней свободы и собственной значимости — это бы могло сделать меня счастливым...

Глава I

Вторник. 7:30, звенит будильник. Мой мозг судорожно пытается схватиться за сон, за возможность почувствовать наслаждение от сна. Именно в семь утра ты понимаешь, как же важен уход твоего сознания на отдых...

Я переключаю будильник на пять минут позже и пытаюсь забыть о том, что должен идти в место, которое мне абсолютно не нравится. После второго будильника мне все же приходится свесить ноги и с самым сердитым лицом пойти чистить зубы.

В коридоре я вижу свою маму – добрейший человек, ее девизом было: «никогда не унывать», но, естественно, это высказывание не всегда работало. Откровенно говоря, у нее не самая простая жизнь: развод за спиной, работает много, отдыхает мало – все это выливалось в постоянные недопонимания между нами. Первые пять классов в школе я слышал лишь нравоучения и попытки воспитания, но с возрастом, когда я стал походить на человека, который мог сломать руку какому-нибудь не самому мелкому мужчине, мама начала со мной считаться. Дело, конечно, не только в физических данных, но и в моей образованности. Я рано понял, что никто кроме тебя самого не сможет развить в себе какие-то навыки, и возраст тут абсолютно не играет никакой роли. Мне нравится читать, я читаю много, больше всего

книги меня привлекают своей загадкой, через буквы я могу созерцать абсолютно любую картину, а в свою очередь эту картину из слов кто-то же написал. Писатель равносителен художнику, причем не ясно, кому нужно больше таланта: мастерам с пером или с кистью – и тот, и другой оттачивает свой навык годами, и у того, и другого есть большие перспективы либо на успех, либо на провал. К годам шестнадцати у меня выработались неплохие навыки оратора: я разбирался в вопросах политики, культуры и некоторых наук, во многих моментах уже мог стоять на своем в словесных ссорах с моей мамой, учителями и просто с, как они думают, «взрослыми» людьми. Но моя мама была отнюдь не глупой, она знала очень много: ей нравилось искусство, театр, литература, классическая музыка, но годы стали брать свое, как и работа, с которой она не вылезала; чтобы нас прокормить, иногда ей приходилось работать и по месяцу без выходных в принципе. Эти факторы не очень хорошо сказались на ней, и пока она была вся в работе, я набирался знаний и стал преваляировать в наших разногласиях. Мы с ней абсолютно разные люди: разные эпохи, разное воспитание, разные взгляды на мир. Мать росла в полной семье, но время было другое, не хуже и не лучше, просто другое – это время оставило огромный след на родителях, весь этот консерватизм не мог ужиться в нас, в таких реалиях, как сейчас; поэтому спорить с мамой было для меня нормой. Мы остались с ней вдвоем, когда мне исполнилось три, она не смогла поладить с моим

отцом, у них часто были разногласия, они ругались, нередко дело доходило до рукоприкладства – классика, ничего интересного. До этого мы с отцом и мамой жили в большом городе, но развод родителей побудил маму переехать к ее маме: «поближе к родным», говорила она. И тогда мне было все равно, я являлся маленьким мальчиком с бурной фантазией, которую мог применять в любом месте, но, став старше, я стал понимать, в какую дыру мы попали: очень долго она не могла найти здесь работу, и ей приходилось за гроши вытирать столики в кафе, работать на кассе в магазине, одним словом – выживать. Но этот город не был для нее чужим, вскоре нам помог один ее хороший знакомый, и мама нашла более-менее хорошую работу. Она стала риэлтором – не то, о чем мечтает каждый, зато хватает денег на одежду и еду. Так мы с ней и жили одиннадцать лет в этом забытом всеми городке.

Пока мать была весь день на работе, я занимался всем, что лезло на ум, даже пошел в школу искусств, окончил ее в пятнадцать лет, но рисовать так и не научился. Я часто в начальной школе рисовал разных чудищ, монстров, трехногих, с огромными пастями и светящимися глазами. Помню, как показывал рисунки учительнице в начальной школе, а она ругала меня; так на одном из уроков ИЗО нашему классу дали задачу нарисовать вазу с цветами: девочки рисовали красивые по-детски розовые шарики, из которых росли зеленые стебли, а мальчики рисовали кактусы, или маши-

ны, но наш классный руководитель их особо за это не ругала. Я же, в свою очередь, нарисовал огромный темно зеленый одуванчик, у него были челюсти как у акулы и ярко зеленые глаза, а вместо вазы был блендер, да-да, именно блендер. Я подумал, что блендер будет по современной какой-то вазы. Понес свой рисунок к учителю и получил в лицо фразу: «Джеймс, что это за кошмар?»

Через много лет я стал осознавать, что эта женщина мерзкое создание, которое абсолютно не знает, как работать с детьми. После этих слов она повела меня к школьному психологу, которая полагала, что у меня расстройство личности или еще какая то чепуха с ментальным здоровьем – это была женщина лет тридцати пяти, в отвратительном клетчатом болотном пиджаке, туго завязанным пучком волос и в очках с коричневой оправой, этот образ отпечатался у меня в памяти на всю жизнь. Каждый день после уроков я приходил к ней и выслушивал ее нотации о высокой морали и еще какой-то чепухе, она хотела убить во мне мой детский красочный мир, на что я ответил так: на пятый сеанс я пришел не совсем в обычном виде, перед этим я заперся в туалете и покрасил свои волосы гуашью, получилось очень красиво; там был синий, зеленый, желтый, красный: «мальчик радуга» – так меня назвала какая-то девушка из старших классов, когда я направлялся в кабинет. Реакция этой женщины не заставила себя долго ждать – это было нечто, ее глаза вылезли за пределы своих очков, а рот открылся так широко, что

туда можно было поместить ядерную бомбу «толстяк». После чего последовал очень громкий монолог, о том, какой же я испорченный и неправильный ребенок. Гнусная карга, совсем не разбирающаяся в детской личности и считавшая себя чуть ли не Фрейдом и Юнгом в одном флаконе, сидела со мной часами и вдалбливала какие-то бредовые мысли по типу того, что я должен расти нормальным, здоровым ребенком без странностей, но ее слова меня особо не задевали, в какой-то момент мне надоело слушать ее бредни, и я просто ушел, ушел с гордо поднятой разноцветной головой. На следующий день маму впервые вызвали в школу, о чем очень сильно пожалели: она была человеком с характером и чуть не набросилась с кулаками сначала на учителя, а затем на психолога, которая через два года покончил жизнь самоубийством. На что моя реакция была неоднозначной, тогда я мало понимал значение слова «ирония», но что-то в моей маленькой голове говорило о том, что, разве люди, которые лечат других людей от душевных недугов, не должны страдать ими, а уж тем более убивать себя из-за них. Скорее всего, эта тварь просто поняла, насколько ничтожна, и не смогла жить с этим, ведь не очень-то и хочется жить с мыслями, о том, как мучила детей и превращала их в серую массу, в сгусток обыденности, но это все во мне тогда говорил мой юношеский максимализм, и я не считаю, что это плохо.

В общем и целом: мои детские, яркие взгляды ни у кого так и не получилось тогда разрушить, я остался предан сво-

им странным идеалам.

Эта история прокрутилась в моей голове пока, чистил зубы, через несколько минут подошла мама и сказала:

– Доброе утро, с праздником тебя, мой будущий выпускник!

Я смотрю на нее и не знаю, плакать мне или смеяться. Как можно догадаться, праздником являлось «первое сентября» – самый неприятный и мерзкий праздник в таком случае. Что хорошего в том, чтобы ходить одиннадцать лет в одно и то же место и проводить там очень скучно время, сидя по 7 часов в день на уроках и слушая информацию, которая в жизни тебе по большей части не пригодится. Свой кругозор я расширял исключительно за пределами учебного заведения и даже какие-то посиделки на лавочки с бутылкой пива и душевными разговорами с друзьями дали мне куда больше, чем теорема Пифагора.

И перед каждым новым учебным годом нужно еще ходить на праздник, где нам напомнят, что мы лишь винтики в огромном механизме, которые не способны выбирать, как им жить. Образование не дает понять, кем ты хочешь стать, оно лишь дает какие-то факты о нашем мире, не сказать, что это плохо, но детям, как правило, – это мало интересно.

Я подошел к холодильнику и взял молоко, налил его в чашку с хлопьями – на большее по утрам мой организм не способен. После завтрака я одеваюсь в свой новый, пахнущий свежими вещами из магазина одежды костюм с бе-

лой рубашкой и выхожу на улицу; мама перед выходом пожелала всего хорошего, мне стало еще хуже, но не от ее слов, а от осознания, что весь следующий год хорошо мне не будет. На крыльце я вставил в уши наушники и пошел в школу. Музыка при походе в школу – мой утренний ритуал, без нее мне сложнее воспринимать реальность, все вокруг тускнеет, теряет последнюю каплю интереса. Она может быть сильнее наркотика, пронизывая тебя своими мотивами, звуками, словами, нужно всего лишь настроиться на нужный лад: вникнуть в музыку, стать с композицией одним целым, течь с мелодией в одном направлении. Короче говоря, музыку я любил, она всегда была моим верным соратником в сложных ситуациях.

Возле школы толпилось куча народа: все учащиеся с первого по старшие классы и их родители – все нарядные, у всех на лицах чувство взволнованности.

Для кого-то это первое посещение школы за всю жизнь, эти маленькие дети в большинстве своем не понимают, что же их ждет – столько проблем, напрягов, разногласий, безумия.

Классы становятся перед школой на свои места, и через несколько минут началась линейка. Я без труда отыскал свой класс, поздоровался с парнями и шепотом, пока на крыльце школы какие-то важные шишки из отдела образования проносили свои нелепые речи, спросил шепотом у своего друга Винсента:

– Ты давно тут?

– Только пришел, но уже хочу обратно домой, – ответил худощавый парень, чуть выше меня ростом.

– М-да уж, дерьмо, больше такого длинного уикенда у нас не будет, – речь шла о летних каникулах, последний год как никак; но что поделать, с одной стороны, хочется освободиться от всего этого сумасшествия, с другой, в школе мы как никогда беззаботны, делаем, что захотим.

– Ты прав в чем-то – вышел директор – снова начинается эта бесполезная трепля языком – сказал я.

Какой-то учитель услышал это и криво на меня посмотрел, на что я ответил очень злобным взглядом.

Я могу сказать, не утрируя: мой взгляд действительно был сильным, холодным и пронизывающим; когда мне в самом деле требовалось вызвать в человеке как минимум неловкость, а как максимум – огромный дискомфорт. Я смотрел своими бледно-голубыми глазами в его зрачки, смотрел в его душу, а там уже человек либо отводил взгляд, либо же просил прекратить. В случае этой учительницы – она отвернулась. И вот мы стоим тут, я абсолютно не слушаю напутствия нашего директора на будущий год, мне плевать – я думаю о том, когда уже можно будет сходить покурить на задний двор с моим другом.

Каждый год мы приходим на это место, слушали, как начинает играть торжественная музыка, после выходит директор, которого почти никогда и не видно; он начинает гово-

ритель, какие мы должны быть ответственные, как сильно мы должны стремиться к знаниям и все в том же духе, ничего не меняется, поэтому и вслушиваться нет смысла. По окончании его манифеста все ученики расходятся по классам, наш класс – самый обычный кабинет с доской, партами, окнами и классным руководителем, от которого вечно разносится ужасный запах пропотевших старых носков. Когда она начинает кричать (а делает она это часто), моя голова не выдерживает таких нагрузок. Этот писк может свести с ума, я словно псина, что почувствовала на себе эффект от собачьего свистка, выглядела она всегда нервной и чуть не в себе. Возможно, она не всегда была такой, во всем виноваты якобы мы, будто это мы ее довели за шесть лет своим хамством и неадекватностью. Если смотреть на ситуацию со стороны, то наш коллектив просто возвращен при других условиях: родители в большинстве своем нас не заставляли, позволяли гулять где хотим, с кем хотим, у нашего поколения больше свободы, поэтому мы чувствуем себя взрослее, чем должны быть в старших классах, в нас до сих пор видят детей, которыми можно управлять, но пластилин давным-давно затвердел.

Стоит признать, наш класс с первого года был очень активным и буйным, с таким не все могут совладать. На третьем году обучения мы довели учительницу до слез, ситуация повторилась в шестом и в седьмом.

А все почему?

Потому что нам давали учителей скучных, которым не было дело до нас, но, а нам не было дела до них. На самом деле, я и сам не знаю, на что у них была такая реакция, мы просто были шумные и имели свое мнение на все – это учителей и бесило.

Правда, класс тоже не хорош собой, мои коллеги по цеху никогда не были единым механизмом, кто-то сам по себе, а кто-то сбивается в небольшие группы. В воздухе постоянно чувствовался пассив абсолютно на все, в том числе и на всякого рода попытки совместного времяпрепровождения. У всех были отмазки разного рода: «Я не могу, уезжаю» «денег нет» «родители не смогут подвезти». Многие просто игнорировали приглашения на различные мероприятия. А из-за не очень правильного поведения нашей учительницы, при всем желании поехать куда-то было невозможно. Она сразу выдумывала сотню правил, которые нужно соблюдать, будто мы представляли собой пару тонн урана на атомной электростанции и должны быть под строжайшим контролем. Не сказать, что меня это сильно расстраивало. Я ездил сам куда хотелось. Мне, в целом, было все равно, кто со мной учится, но иногда эти люди меня могли и позабавить. Буйность и веселье – эти два слова замечательно описывают наше собрание из двадцати человек. Организованные группы, какими бы они ни были, всегда меня отталкивали; когда вокруг тебя находится слишком много людей на постоянной основе, то ты со временем превращаешься в этих

людей, а они в тебя, и вы как бы становитесь усредненной массой, так что я старался всегда держаться рядом только с Винсентом, и мне этого вполне хватало, мне было с ним не скучно, и я мог на него положиться.

Линейка и классные часы закончились, мы с другом выбежали из школы и решили зайти к нему домой, там нас уже ждала его сестра – Шайла, двенадцать лет, забавная девчонка, хотя и бывает надоедливой, она очень любит сидеть с нами в одной комнате и дурачиться, а Винсент в шутку говорит, что она ведет себя так только при мне, потому что влюбилась. После услышанного я подумал, что в меня влюбиться очень нелегко, одним словом, я – не притягателен; причем дело совсем не во внешности, у меня были светлые волосы, голубые глаза, стройное, сильное тело, густые брови и достаточно пропорциональное скулистое лицо – дело в моем, отчасти, меланхоличном и наполненном хаосом характере. Многим девушкам не по душе черный юмор и запретные аморальные темы, я их в этом не виню, но и сам меняться не буду, мне нравится какой я есть, мне часто приходят в голову мрачные мысли, таков уж я. Но не стану отрицать, я пытаюсь быть милым с девушками, пока-что получается скверно. С одной стороны, хочется себе девушку, что будет с тобой рядом, будет поддерживать, ласкать и давать энергию, но с другой на хрен оно и не сдалось, мороки столько с ними, но все же есть сильный интерес, и с этим ничего не поделать.

Винсент переоделся, мы плотно поели. Я часто кушаю

у него, потому что его матушка очень умело заставляет опустошать их холодильник, не бывало такого, чтобы я уходил от их семейства голодным. Мама Винсента была живой и позитивной женщиной, она была крайне мила и любезна со мной всегда и чем-то походила на мою мать, да и они часто общались, мы дружили семьями. Я попрощался с Шайлой, мы вышли на улицу, чтобы пройти около сотни метров.

Я и Винс живем совсем рядом, расстояние между нами равнялось двум домам. Так дружба и зародилась между нами: нам было просто по пути идти домой со школы, и мы стали общаться, несли всякий детский лепет, зимой валялись в сугробах, осенью плескались водой из луж, на летних каникулах убегали с утра на речку до позднего вечера. Мы дружим уже больше десяти лет, я хочу верить, что это настоящая дружба – у меня не так много ценностей в жизни, не хотелось бы решать последние.

Мы зашли в подъезд, поднялись на лифте, я от скуки нарисовал член под кнопками, Винсент заржал, иногда меня тянет на странные подвиги, я непредсказуем...

Я и Винс зашли ко мне в квартиру, на пороге я покричал маму (вдруг пришла на обед) и, убедившись, что дома только мы вдвоем, двинулись на балкон.

Пока я доставал сигареты, Винсент предварительно взял в руки палочки и сунул сигарету между ними, чтобы руки не пахли, хотя мне казалось, что его мама уже давно поняла, что он курит. Наша новомодная вредная привычка появи-

лась в прошлом году на этом же балконе. Щелкнул зажигалкой, я поднес огонь ко рту и вдохнул густой серый дым, наполненный никотином. Пропуская отраву через себя, я с задумчивым видом выдыхаю дым и стряхиваю тлеющий пепел.

Смотря куда-то вдаль через окно, я спросил у Винсента:

– О чем ты мечтаешь?

– Не знаю, а что? – ответил тот, ковыряясь в носу.

– Просто любопытно, мы уже столько друг друга знаем, а я никогда у тебя этого не спрашивал, у тебя же наверняка есть какие-то цели на будущее, вот и стало интересно, – мы редко говорили о чем-то сокровенном, мой друг был достаточно скрытным человеком, да и я его научился понимать без слов.

– Без понятия, я бы хотел ничего не делать, и чтобы мне за это платили, – ответил Винс иронично.

Я ухмыльнулся и ушел в раздумья, похожее отношение у всех людей в этом маленьком городе: никто не хочет думать, никто не хочет ничего решать, мало кто мечтает.

Все похоже на огромное течение – его несет по бескрайним серым морским полям. Людей здесь интересуют обыденные вещи: деньги, секс, алкоголь и, как же плохо им живется, но я сам ничуть не лучше, все это меня тоже притягивает, только плюс к этому есть еще кое-что...

– Ну, а у тебя есть мечта, Джеймс?

– Наверное, есть, она очень размытая, неясная, но все же есть... Хочу быть свободным, хочется взлететь и умчаться прочь, – при произнесении этих слов я элегантно выкинул

бычок в окно.

— Это конечно здорово, кто бы не хотел, но что-то пореальнее у тебя есть в мечтах?

— Это не совсем так просто — я хочу чувствовать себя свободным мысленно, выбраться из этого маленького города и делать что душа пожелает, хочу каждый день просыпаться и понимать, что я не проживу его впустую, хочу найти любимое дело, но все это так сложно.

— Звучит здорово, брат, но как этого достичь ты не знаешь?

— Не знаю, может мне нужен какой-то знак или меня должно что-то вдохновить...

Мы стояли, смотрели в окно и молча курили, у каждого были свои мысли на этот счет, не часто у нас в разговорах всплывали серьезные темы.

Я не стал разъяснять дальше Винсу, чего именно я хочу, не стал вдаваться в подробности своих многотонных, меланхоличных мыслей о том, чего именно хочет моя душа, потому что сам до конца не понимал, да и он бы заскучал, я не виню его за это. Винсент хороший друг и человек, немного забывчивый и малость не ответственный, он похож на домашнего толстого кота, которому на все по барабану, но он всегда был готов мне помочь и всегда был рад проводить со мной вместе время, даже если и делать было особо нечего, мы страдали от скуки вместе, может, жизнь у меня и не сложится как мне нужно, но друг у меня точно классный.

Но все же, возвращаясь к своим мечтам: я хотел бы спокойно летать по чертогам своего разума, знать, чего я хочу, видеть курс и лететь на него; мне хочется оставить что-нибудь после себя, взлететь и упасть в конце красиво. Оставить огромную, не смывающуюся лужу крови на асфальте. С такой мечтой жизнь имеет смысл, жаль, что многие даже не пытаются понять, чего хотят, а может я просто сильно заморачиваюсь, живут же как-то люди и думают только о счетах, ипотеках и о том, что приготовить на ужин...

Мы докурили и пошли в комнату, выходя с балкона, я на секунду будто уснул и упал, но самое странное – я подумал, что запнулся, но каких-либо преград под ногами у меня не было, ни с того ни с сего, просто так, Винсент начал смеяться, и я вместе с ним. Хотя про себя подумал, что в последнее время я часто начал запинаться, да и в целом стал намного невнимательней, сам не знаю почему, наверное, не высыпаюсь.

Я поднялся, и мы пошли смотреть фильм в мою комнату, на повестке было «Криминальное чтиво», Винс его обожал, что может быть лучше кровавого, запутанного, остросюжетного детектива от Тарантино?

Немного о моей комнате и, возможно, о моем небольшом расстройстве личности: до седьмого класса у меня были обычные ярко желтые детские обои с рисунками, но как-то летним днем мне стало слишком скучно, я взглянул на стены, мне они надоели, в них было даже что-то пугающее. Я

взял черную краску и большой кистью стал рисовать граффити, через час моя комната была заполнена черными надписями различного характера, от философских слов и цитат до названия любимых музыкальных групп. Мама, придя с работы, лишь сказала, что это выглядит угнетающе – это меня позабавило, она была достаточно сдержанна, но чувства угнетения, глядя на эти стены, у меня не было – только чувство гордости за то, что я смог изменить может совсем маленький, но все же клочок своей жизни.

Глава II

Очередное утро, завтрак, еле успеваю в школу, смеюсь, учусь, устаю, делаю уроки, готовлюсь к экзаменам – так изо дня в день, как белка в колесе, чертов день сурка. Приходит веселая мама, я отрываюсь от компьютера, здороваюсь, кушаю. Каждый день в 19:00 лежу в горячей ванной, потом смотрю фильм или читаю книги, хожу в спортзал или хожу гулять с Винсентом. Дни выстраиваются в недели, недели в месяцы, и вот прошла уже половина учебного года.

Я думаю о том, что не могу вспомнить, что было четыре дня назад, все настолько серо и обыденно, вся эта обыкновенность достала. Самое страшное – погрязнуть в этой вязкой трясине жизни, потерять свои детские и наивные мечты, превратиться в организм, просто существо, которому все по боку. Мне доводится видеть таких людей повсеместно: ты понимаешь, что они погрязли в этом торфяном болоте, их обхватила тина, и никто уже не слышит наивного детского счастья, всем необходимо его чувствовать, но как?

Весь день взрослого человека состоит из работы и глупого залипания в телевизор или сиденья в баре по пятницам до белой горячки, покупки себе в дом сотни ненужных приблуд: скатерти, полотенца, чайного сервиза, нового чехла на телефон. А чем плох старый? Ведь он всё так же выполняет свою функцию. Несчастных людей среди нас живёт

огромное множество, больше, чем счастливых, и несчастье в совокупности с однообразием приносит такие интересные побочные эффекты, как раздражительность, чувство вины и жалости к себе: ты как проколотый воздушный шар, из которого тонкой струйкой вытекает жизнь – вот до чего доводит однообразие. Люди ломаются под собственным весом своей личности, – ну, или, скорее, её обрубками, – повсюду драма. Вечером настроение у меня было паршивое, я сидел в своей комнате с кружкой чая и слушал музыку, Винсент присылал мне смешные видео и картинки, у него всегда получалось хорошо находить такие вещи и забавлять меня. Время 22:40, я зашёл на страницу к одной девушке – Элен, своей однокласснице, и на меня нахлынули воспоминания о дне нашего знакомства.

Как-то на перемене у меня зашёл разговор с одной девушкой: она была новенькая в нашем классе, очень застенчивая, и у неё ни с кем не получалось подружиться, она вечно грустила и что-то постоянно читала. Я вышел в коридор из класса и вижу, как она сидит на лавочке одна с книгой в руках. Гладкие каштановые волосы свисают на её светло-карие глаза, которые отражаются в линзах её круглых очков. Я подхожу и спрашиваю:

– Здравствуй, Элен, что читаешь?

Элен посмотрела на меня где-то секунду, поправила свои очки, затем отвела взгляд примерно на уровень своих коленей, потом снова на меня и ответила:

– Привет, Джеймс, – она сказала это робко и тихо, неловко, но в то же время мило, ей шла эта робость, – Достоевского «Преступление и наказание».

– Читал её, не сказать, что она мне понравилась, но была занимательной, а тебе как?

– Мне она показалась достаточно противоречивой: далеко не у всех людей так сильно работает совесть, как у Раскольникова, что, к сожалению, не красит нас.

– Как по мне, Достоевский переоценил Бога в своих произведениях, да и я его, если честно, просто недолюбливаю: есть много писателей намного более достойных такой огласки!

– Вполне возможно, но я столько о ней слышала, поэтому и захотела сама ознакомиться с достоянием массовой культуры. – Из её речи ушла робость и застенчивость: мы проговорили с ней всю перемену о книгах, любимых авторах, о том, почему зарубить бабульку топором не всегда обязательно в этом сознаваться, мы отлично поболтали, с ней я чувствовал себя комфортно, да и ей было не противно со мной, по всей видимости, общаться.

Прозвенел звонок, мы пошли в класс, я задал вопрос, который больше всего меня интересовал:

– Почему ты вечно ходишь одна? Ты по разговору не похожа на психопатку, которая и слова обронить боится.

Эти слова её явно ввели в ступор, она остановилась и поправила волосы. Признаюсь, что раньше я не замечал, на-

сколько она была симпатичной: невысокая, но фигура стройная, нежная белая кожа, светло-карие глаза с оранжевыми крапинками вокруг зрачка, пухлые губы. Если бы не её стеснительная натура и вечно смотрящий взгляд куда-то в сторону, то она вполне бы могла завоевать множество сердец.

– Я не знаю, что тебе ответить, со мной много чего произошло. Думаю, тебе и своих проблем хватает, так что не парься.

– Послушай, мне не понять, что конкретно у тебя случилось, пока ты об этом не расскажешь, но мне бы хотелось помочь тебе тут освоиться, ты мне нравишься. – Тогда я сказал это не пылающим сердцем, а больше в дружеской манере, мне хотелось увидеть её реакцию, и эти слова не заставили себя долго ждать: глаза этой милой девушки с короткими пушистыми волосами стали ещё больше, щёки наполнились румянцем, а очки съехали на тонкий кончик носа – она явно не ожидала таких слов от практически незнакомого человека.

– Если ты в такой манере хотел надо мной подшутить, то не стоит, просто уйди и оставь меня в покое! – заикаясь, ответила Элен.

Я не совсем понял тогда такую реакцию на мои слова, но это подогрело во мне нешуточный интерес: я хотел её разгадать, узнать этого человека, это стало моим вызовом, что-то крайне сильно меня влекло в ней...

– Нет же, я вполне серьёзно: меня всегда привлекали замкнутые в себе заучки с признаками психического расстройства.

ства. — Эти слова вызвали в ней тёплую улыбку, я подумал, что такой искренней и обаятельной улыбки за всю свою жизнь не видел. Затем она вдруг резко поменялась в лице, нахмурилась, сжала кулаки и треснула меня по лбу.

— Это за психопатку! — и мы засмеялись так громко, что люди на другом конце коридора смотрели на нас как на последних идиотов. Я знал, что её смех был вызван больше не моей остротой слова, а скорее тем, что она сняла часть груза со своих плеч, отдала его на утилизацию незнакомцу, не требующему ничего взамен, а я засмеялся от радости, потому что впервые у меня получился такой складный диалог с девушкой, и причём, очень красивой.

После этого диалога мы стали дружить, общались на каждой перемене, я провожал её до дома. Когда одноклассники увидели, что она может разговаривать, смеяться и делать вещи, присущие подросткам, к ней стали притягиваться другие люди. Через несколько месяцев она же стала вполне нормальной, милой и общительной девушкой. Мы и дальше общались, но не так хорошо, как раньше, я отошёл для неё на второй план, но самое обидное — я так и не смог её разгадать, она так и не открыла мне свои тайны, а я не хотел вскрывать старые раны. Она как буря: прилетает, сеет семя раздора внутри тебя и исчезает. Та девчушка, сидевшая в полном одиночестве с книжкой на лавочке и локоном волос, свисающим на глаза, не смогла покинуть мой интерес, и я стал чувствовать что-то новое.

И вот, прошло два года, как мы познакомились, скоро я покину школу и этап, называемый «детство», хоть и не полностью, я не знаю, что ждёт меня впереди, но в скором времени меня ждало что-то пострашнее любого самого сильного урагана.

Глава III

На часах 5:47, я проснулся от сильнейшей головной боли, в последнее время это не редкость. Лежать просто невыносимо, подушка словно самый твёрдый камень, что обтачивает мои виски. Сегодня выходной, а это значит, что я одеваюсь не как обычно в школьный костюм, а надеваю одежду, которая мне нравится: черные [джинсы], серую тёплую кофту с капюшоном, свои любимые кеды, а сверху твидовую толстую рубашку. На кухне выпиваю стакан холодной воды, заедая бутербродом с ветчиной, такой завтрак меня устроит. Боль, похожая на сороконожку, извивающуюся в моей голове, полностью затмила чувство сонливости, мне нужно было на воздух. Я тихо выскользнул в дверь, чтобы мама не услышала, и спустился на крыльцо подъезда.

На дворе ранняя весна, светать начнет через минут двадцать, идёт пар изо рта, и я достаю цветастую пачку сигарет из кармана. Звук зажжённой спички, и первая затяжка идёт на ура. Уставшие глаза с чёрными кругами сужаются от наслаждения, которое устраивает никотин мозгу; он будто танцует с ним очень быстрое танго, после которого сил хватает только на отдых. Я посмотрел на сигарету с оранжевым фильтром и закрыл глаза. В этот момент я подумал, что сейчас бы было неплохо взять и улететь куда подальше от всех своих проблем, но позже в голову вонзилась новая порция

мигреней. Мысли перешли на воспоминания о том, как тяжело я болел в детстве и чуть не умер по вине врачей, которые поставили мне неверный диагноз. Было ли мне так же больно тогда или ещё сильнее, я не помню. На душу навевала тоска, и я решил пройтись.

У меня на тот момент было два пути: направо – в центр города, смотреть на уставшие лица, идущие на работу; налево – пройтись по спокойным, живописным местам и подумать о вечном. Я выбрал второй путь. Живя на окраине города, постепенно, волей-неволей, но в отшельника превращаешься; тяга к городу пропадает, начинаешь искать всё больше мест для уединения.

Есть неподалёку одно место – асфальтированная тропинка с огромными пихтами по краям обочины – обожаю там прохаживаться и слушать музыку. Шаг за шагом, я иду по тускло освещенной дорожке, дыша при этом свежим, чистейшим воздухом, который наполнен утренней магией. В такие моменты жить по-настоящему хочется, но эти мгновения быстро заканчиваются, и мы возвращаемся в мир, полный ненависти и глупостей, мир, в котором хватает несправедливости. Во мне часто живут подобные мысли, возможно, я слишком много думаю, может, поэтому голова и болит. Идя по тропинке, я думал, что люди готовы верить любой лжи, если эта ложь им не навредит. Так любит делать правительство, которое вешает лапшу на уши, и мы просим добавки. Никто не хочет плохих новостей, люди систематически

врут друг другу, с поводом и без, будто вся планета превратилась в огромный театр. Да, наверное, она всегда им и была — притворство, ложь, эгоизм — эти навыки у нас заложены с рождения. Все мы окунаемся в эти черные дыры, а ведь вылезти из них невозможно.

Прогулка по небольшому раю приближалась к концу. Обычно, когда я доходил до конца тропы, меня встречала собака, которая охраняла какие-то частные предприятия неподалёку, начинала лаять на меня, виляя хвостом. Жалко её, сколько помню, она постоянно сидит на цепи и дальше этих мест ничего не видела: будка, дорога и люди, проходящие мимо неё — вся жизнь. Единственное, что её развлекает, так это гавкать на прохожих. Мне по-настоящему жаль этого пса больше, чем почти всех страдающих от болезней, войн и природных катаклизмов людей.

Я достаю вторую сигарету, мне нравится эта привычка. Куря, я не просто получаю наслаждение от эффекта, от вида тлеющей табачной палочки, но я вдобавок будто бы играю со своей жизнью. Ни для кого не секрет, что курение убивает, и при каждом вдохе я, возможно, укорачиваю свою жизнь на 5 минут или на час. А если суммировать всё, что уже было, то год я как минимум себе отнял, некий суицид долгого действия. Людей привлекают совсем не позитивные вещи, скорее наоборот. Виды развлечений у человечества в большой такой прослойке: окровавленные бои по телевизору, алкоголь, наркотики, езда на быстрых машинах, фут-

бол, секс, постоянные приступы адреналина – большинству это нравится, мы сами притягиваем к себе близость к смерти. Человечество обречено, только дураку этого не понять, мы слишком несовершенны, нас может сломать другой человек обычным словом – у меня было так с Элен. Полгода хранил это в тайне, никому не говорил и хоть как-то держался. Но стоило признаться ей, и я был отвергнут: «Мы только друзья» – сказала она тогда. Меня пытался поддержать Винсент, но ничего не помогало, и почти каждый день я напивался где-то на лавке во дворах, чтобы не помнить этого позора, того, как я с трясущимися коленками признался ей и потерпел поражение по всем фронтам. После этого мне было сложно с ней разговаривать, всю смелость и решительность я оставил с её последними сказанными мне словами, похоже, я влюбился по уши.

Любовь, что это такое?

Для многих любовь – что-то высшее, неземное, самое сильное чувство, которое может существовать. В принципе, отчасти я согласен, но если разобраться в специфике вопроса, то любовь – просто химическая реакция организма, ни больше ни меньше. Зато какая: ты испытываешь такой огромный спектр эмоций – страх, радость, грусть, волнение, эйфорию. Сердце начинает биться быстрее при одной мысли о человеке, весь потеешь, голова кругом – чем не болезнь? А самое страшное, если любовь не взаимна. И я этого очень боялся, свой самоконтроль я потерял, меня распирает, я хо-

чу проводить с ней очень много времени, хочу её обнимать, лежать на её коленях, хочу, чтобы она украла мой первый поцелуй – хочу никогда её не отпускать, и мне очень плохо. Я слишком загоняюсь на этот счёт, я чересчур сентиментален и уязвим сейчас. Чувства ранят всех – и сильных, и слабых, так что вариант жить одному в лесу – не худший, чтобы существовать в абсолютной гармонии. Да, наверное, это звучит дико, но порой любовь причиняет самую невыносимую боль, и хочется сбежать от всего мира. Я не считаю себя крепким в душе человеком, она больше похожа на графит – вроде и твёрдый, но хрупкий.

«Первый опыт всегда болезненный» – так говорят, хотя это и опытом-то назвать трудно, одно лишь признание, и я до сих пор девственник. Мне уже почти восемнадцать, а я даже девушку в интересных местах никогда не держал. Стыдно за себя, конечно, немного, за свою нерешительность в отношении противоположного пола, но что ж поделать.

Я прошел по тропе шагов десять и свернул налево, мне захотелось пойти постоять на мосту, который находился совсем недалеко, поглядеть на небольшой водоем, протекающий за городом, на белых чаек, летящих против ветра по лазурному утреннему небу к горизонту, получить дозу умиротворения и эндорфина.

Подходя к пешеходному переходу, меня немного качнуло в сторону, я не понял, как ступил на отметку пешеходного перехода, и мир начинает от меня уплывать, словно я при-

нял целую фуру мельдония. Зебра на асфальте превращается в сплошную линию, ноги отказывают, я словно очутился в невесомости, сигарета выпадает изо рта, моё тело не хочет больше стоять на этой дороге, нужно срочно прилечь, но не тут же. В глазах тускнеет, ноги не слушаются, голова словно оторвалась от туловища и полетела куда-то в тёмную бездну... Последнее, что мне запомнилось – звук тормозящих покрышек машины и глухой удар моего тела о капот, а потом перед глазами появился белый шум.

Я не ожидал, что это произойдёт в моей жизни так быстро. Последняя мысль, что меня посетила: «это конец?».

Глава IV

Открыв глаза, мне хотелось их сразу же закрыть и больше ничего не делать. Тяжесть и боль – вот что чувствовало моё тело на данный момент. Тупая, ноющая боль. Голова, словно ваза, разбилась на множество осколков. Я посмотрел вокруг. Это была палата с бледно-зелёными обоями. Слева стоит капельница и питает моё тело каким-то раствором. Справа – небольшая деревянная тумбочка, на ней лежали цветы, множество сладостей и открыток, наверное, от близких мне людей. Я попытался поднять руку и взять салатовую открытку с красивыми тёмно-серыми буквами, но лишь смог двинуть кистью и пошевелить пальцами. Конечность стала тяжелее в сотни раз, кончики пальцев ощущались как гири. Скорее всего, тело лежит так уже давно. Отвратительно – вот моё состояние на данный момент. Мне хотелось просто убежать отсюда, но я чувствовал себя разбитым и слабым. Несложно догадаться, что меня сбила машина, но неясно одно: почему я стал терять сознание прямо на дороге? Я отбросил эти мысли в сторону, поскольку моя голова и без того раскалывалась.

В палату зашла медсестра, молодая, симпатичная, с подтянутой фигурой, светлыми окрашенными волосами и голубыми выразительными глазами. Я захотел ей улыбнуться, но понял, что пары зубов у меня не хватает, и почувствовал

себя сконфуженным. Элис, именно это имя было написано на её бейдже. Она подошла ко мне.

– Как погляжу, вы проснулись. Примерно на сегодня или завтра мы и рассчитывали, – сказала она с улыбкой.

Когда я начал говорить, каждое слово было похоже на звук из старой сломанной скрипки:

– Добрый день, вы очень красивая, – простонал я тихим голосом. Она засмушалась. Не знаю, зачем я это сказал...

– Спасибо за комплимент. Скорее всего, вы ещё не до конца пришли в себя. Как самочувствие? – ответила медсестра с румянцем на щеках. Она была не сильно старше, чем я.

– Нет, я вполне в сознании. Самочувствие моё паршивое. Я думаю, всё из-за того, что я сбил машину, – она снова мне улыбнулась.

– Вы сбили? Я смотрю, вы настоящий храбрец. Вам очень повезло: скорая быстро приехала, и за вашу жизнь боролись несколько дней наши лучшие врачи. Сейчас мне нужно провести осмотр, потом придёт доктор.

Не пойму что, но что-то было в ней манящее меня. На вид обычная девушка, но мне так хотелось дотронуться до её волос.

– Хорошо, осматривайте сколько хотите, мне спешить некуда.

Когда она наклонилась ко мне, я почувствовал одной ноздрёй её запах, видимо, вторая была искривлена. Элис пахла очень вкусно, как будто я оказался на пляже Канар-

ских островов, и на меня надели венок из экзотических фруктов. Свежий и слегка пряный. Мне захотелось зарыться в её волосы и не отпускать ни к какому доктору, и моя рука самопроизвольно медленно потянулась к её волосам. Повезло, что двигаться я ещё мог плохо, и мою попытку она не заметила.

– Сколько я уже тут нахожусь? – я решил, что пора переходить к делу.

– Вы лежали в коме три недели. Ваши родные заходили к вам каждый день, но чаще всего приходила девочка, – она лукаво мне улыбнулась.

Три, три недели я лежал прикованный к кровати, был вне сознания. Интересно, что со мной происходило? Куда путешествовал мой внутренний я? Не думаю, что мне было интересно просто ждать, пока моя мясная оболочка очнётся. Тело всего лишь оковы, которые рано или поздно спадают, поэтому и смерти я не особо боюсь. При слове «девочка» я прищурился и спросил:

– Вы сказали, что ко мне приходила подруга?

– О да, каждый вечер! Могла даже остаться ночевать рядом с вами. Её хотели как-то раз отослать домой, но, увидев, как она, облокотившись на угол кровати рядом с вашим лицом, мирно спит, передумали. Она дежурила возле вас с вашей мамой.

Вот оно как...

При этих словах у меня в мыслях образовался полный

сумбур. Я решил отвлечься от этого и спросил:

– Вы со всеми такая милая?

– О чём вы говорите? – при произнесении этих слов она отвела взгляд вниз и стала трепать кончик своих волос.

– Вдруг я тебе понравился? – спросил я с вызовом.

– Осмотр закончен, я пошла за врачом, – она быстрым шагом вылетела из палаты.

Я не уверен, правда ли я ей понравился. Обычно во мне не так много смелости с девушками, а которые старше меня – тем более. Моя натура весьма застенчива и наполнена робостью. Отчасти это из-за того, что мне разбили сердце полгода назад.

Не получается у меня общение с миловидным полом, что-то я делаю не так.

Однако всё изменилось. При виде этой весьма привлекательной медсестры я задумался, что мог её уже и не лицезреть бы вовсе. Если бы меня сбила машина насмерть, а я даже с девушкой ни разу нормально не пофлиртовал, то вечный позор мне! Я не хочу, чтобы меня запомнили как «мальчика, который девственник». Видимо, жизнь решила дать ещё шанс.

Палата опустела. Я начал читать открытки с пожеланиями скорейшего выздоровления. Одноклассники сделали коллаж с нашими забавными совместными фото – это меня немного повеселило. Ту салатовую открытку написала она. Это была та, кто так бесстыдно разрушила мою веру в любовь. Но по-

сколько мы с ней в одном классе и всё равно неплохо общались, она, скорее всего, поступила так из жалости и вежливости.

«Джеймс, поправляйся, я очень сильно испугалась, ты на самом деле очень нужен. Надеюсь, что скоро ты проснешься, и я смогу тебя обнять...»

Эти строки стали греть меня изнутри. Видимо, она не забыла, как мы с ней хорошо общались, и, скорее всего, именно Элен приходила ко мне каждый вечер и скучала, лежа рядом с моим почти бездыханным телом. Я с физиономией довольного хоккеиста без пары зубов стал смотреть в окно слева от меня: жить не так уж и плохо.

Глава V

Врач заходит в палату и видит парня в белой сорочке с забинтованной головой. Капельница поставляет через его вены жизненно важные вещества в кровь. Он смотрит в окно, из которого выбегают лучи и обнимают его фигуру. Юноша сидит с задумчивым видом и немного улыбается. Врач подходит к нему и начинает говорить. Через пять минут вся комната в голове мальчика превратилась в белый шум, его словно отсоединили от этой реальности, и он уже не слушал, что ему говорит врач. Глаза опустели, стали похожи на два куска металла – холодного, твёрдого, серебристого металла.

– Вы меня слышите? – спросил доктор. – Это очень важно, вы должны понять и рассмотреть все варианты.

– Мне всё понятно, пожалуйста, оставьте меня одного.

Я не хотел этого признавать, хотел забыть слова врача и себя в принципе; я не плакал, толку от этого не было. Видимо, до конца ещё не осознал, что в ближайшие полгода я могу умереть; я просто лежал и смотрел в окно – стая ворон рассекала уже пасмурное небо.

Всю ночь я не спал, вечером ко мне приходила мама и другие родственники. У всех были заплаканные глаза, и практически со всеми я обнимался и принимал от них подарки: сладости, книги, фрукты. Дядя подарил мне беспроводную колонку, за что я был чрезмерно благодарен. Музыка в пала-

те явно не будет лишней, она сможет залечить какие-то душевные царапины и обезболить раны.

Время, проведённое с родными, меня немного взбодрило, и когда они ушли, я выключил свет, поставил свой любимый плейлист в телефоне, который был подключён к новой колонке, и музыкальные волны разнеслись по комнате; они бились о стены и разбегались по воздуху в разные стороны, словно стая мелких рыбок, на которую плывёт тигровая акула.

Спустя несколько песен меня стало клонить в сон, я приглушил музыку, чтобы она тихо ласкала мои слуховые рецепторы, когда я начну засыпать. Веки тяжелели, глаза начали смыкаться, как вдруг – три стука в дверь. Я взглянул на часы, время: 04:43. Все мысли смешались: кто это? В такую рань? Может, смерть уже стучится ко мне в гости...

Стук повторился, я встал и подошёл к двери. Кафельный пол был холодный, и только сейчас я услышал, как по окну крупными каплями бил дождь. Поднося руку к двери, я стал выстраивать предположения, кто же это мог быть. Дверь открылась: возле порога стояла девушка в толстовке, узких джинсах и спортивных кроссовках, волосы её были мокрые, как и лицо. Правда, неясно было – капли дождя ли под глазами? Это была она, моя любовь, моё страдание, мои терзания, моя салатная открытка – Элен.

– Элен, что ты здесь делаешь? Ты время видела?

Она молча подошла ко мне и обняла так крепко, что на се-

кунду мне показалось, будто я задохнусь. Девушка лихорадочно дышала мне в грудь и очень тихо плакала. Мне было больно, потому что пару рёбер у меня точно были сломаны, но в то же время безумно приятно.

– Да живой я, живой, – протянул я, немного постанывая от боли.

– Я... – у неё был очень тихий голос, словно она боялась спугнуть моё существование, – я боялась, что ты погиб. Что у меня отобрали единственное, ради чего я хочу жить, это отвратительно и эгоистично, мне очень жаль, что я поняла всё это только после таких обстоятельств, Джеймс, я... Я тебя люблю.

Дальше она продолжила, опершись на меня, реветь, как маленький ребёнок, которого покусала собака или ему не купили куклу в магазине. А я будто оцепенел, всё вокруг стало нереальным, словно меня погрузили глубоко на дно Марианской впадины, и я сижу там вокруг странных морских существ. Мне стало так не по себе, этого не может быть. Прошло минуты две или три, или десять, когда я смог вернуться в эту реальность, и мой рот сам начал говорить:

– Всё это напоминает какой-то странный сон, ты принесла мне столько боли, мы хорошо общались, потом ты отдалась, когда я признался тебе, ты лишь сказала: «Ничего не выйдет, прости», а сейчас в тебе проснулись какие-то чувства! – голос мой дрожал, а ноги стали подкашиваться. – Что было бы, если б я не попал в аварию, мы так и жили бы по-

рознь, я бы тебя дальше про себя лелеял, думал бы о тебе каждую ночь и не понимал, что происходит у тебя в голове, а ты бы и дальше жила как ни в чём не бывало?! – голос сорвался на крик, я не отдавал себе отчёта о том, что говорил, – всё бежало прямо из души.

Она долго молчала, слёзы перестали течь из её глаз, Элен отпустила меня и задала вопрос:

– Мне было сложно признаться тебе, я боялась, – она сложила руки и чуть отдалилась.

– Чего ты боялась?

– Я понимаю твою обиду, мне не стоило закрываться от тебя, ты очень хороший, я расскажу тебе всё, давай только присядем, ты же ещё не выздоровел, больно, наверное?

– Я в порядке, присаживайся, – ни хрена я не был в порядке, тело ломало, по голове словно ударили молотом, но смотря на неё, боль перестала иметь значение.

Мы сели на мою койку, и в темноте она начала говорить:

– Несколько лет назад я пыталась покончить с собой.

Сразу в лоб – мне стало неуютно в этот момент, я никогда не слышал таких откровений от людей – это большая ответственность. Я не стал ничего отвечать и кивнул, давая понять, что весь во внимании.

– У меня были проблемы в семье: отца выгнали с работы, и он начал напиваться каждый вечер с друзьями, залез в долги, подсел ещё на что-то потяжелее алкоголя, а когда приходил домой, то начинал избивать мою маму до полусмер-

ти, и если я пыталась его остановить, то и мне доставалось. Раньше такого никогда не было в нашей семье, а тут в нём словно проснулся другой человек... Это продолжалось примерно с полгода, мы с мамой это терпели. Вдобавок ко всему, одноклассники дразнили меня и издевались, говорили: «Иди к своему папочке-алкашу, пожалуйся на нас». Меня считали неудачницей, дразнили с первого класса за очки, за маленький рост, за мою любовь к чтению. Мне стало тошно находиться в школе и дома – поэтому я прогуливала уроки и гуляла целыми днями по городу до самого вечера, а когда возвращалась домой, меня никто не спрашивал, где я была и что делала. Мама была морально обессилена или лежала у себя в комнате, отходя от очередных побоев моего папаши, а он возвращался всегда поздней ночью. Каждую ночь я ложилась спать и ждала, когда он снова напьётся и начнёт избивать мою маму, я ничего не могла сделать. Они постоянно ругались...

Однажды отец напился больше, чем обычно, он пришёл домой в часа два ночи, и я услышала, как мама начала истошно орать. Я рванулась на кухню и увидела, что мой папа стоит с ножом, с него капала кровь... Мама лежала возле стола и держалась за бок, её халат был весь в пятнах крови, она кричала мне: «Беги, уходи отсюда скорее!», но я оцепенела, словно бы меня держало сотня человек. Отец повернулся на меня, этот взгляд я никогда не забуду – эти глаза были уже не моего отца, это были глаза животного, которое

сошло с ума. Они наливались кровью, в них можно было увидеть только бешеную ярость, он двинулся на меня с ножом, а дальше всё как в тумане. Последнее, что я помню – он лежит возле мамы с собственным ножом у себя в животе и пытается его вытащить, я видела, как из него выходят остатки его чёрной души. Я подошла и вдавила нож ещё глубже ему в живот, он начал истошно орать, но уже через минуты три его никто не слышал...

Элис начала захлёбываться и рыдать. Я был в полном потрясении от услышанного и взял её за руку. Она продолжала рассказ сквозь слёзы:

– Потом я выбежала босиком на улицу, начала просить помощи у соседей и прохожих, позвонила в полицию и сидела ждала, заливаясь слезами. Я убила его, отчасти, когда приехала скорая и полиция. Ко мне вернулись все фрагменты сцены на кухне: отец поскользнулся на луже крови, которая вытекала из мамы, и он, пытаясь напасть на меня, упал на собственное оружие – глупо. Я была словно в трансе, когда давила на нож в его окровавленном теле, тогда во мне проснулось что-то отцовское – такая же бешеная исступлённая ярость. Я не стала рассказывать никому, включая полицию и маму, что я поспособствовала смерти своего уродя-отца, да никто на меня ничего и не подумал – всё списали на несчастный случай, и дело закрыли. Маму удалось спасти; когда она поправилась и вернулась домой, то начала меня успокаивать, что всё у нас будет хорошо, что мы это

переживём, но я не могла себя простить за то, что сделала, я могла обратиться в полицию намного раньше, а я прощала этого монстра, из раза в раз, я могла это остановить!

Наступила долгая пауза, девушка вцепилась в меня двумя руками так сильно, словно снова увидела перед собой своего отца, который стоит с ножом и направляется прямо на неё. Теперь я понимаю, почему она не хотела мне это рассказывать – она в принципе никому об этом не говорила, да и кому о таком расскажешь.

– О боже, Элен, ты же ни в чём не виновата, ты была просто маленькой, напуганной девочкой, почему ты взвалила этот груз на себя? Почему твоя мама не обратилась в полицию, когда он избил её в первый раз? Во второй? Во все последующие?

– Она боялась, у неё слабый характер, она шла на поводу у своих чувств и не могла ничего сделать, как она мне говорила: «позлится немного и успокоится», но он так и не успокоился... Дальше больше, я не смогла смириться с тем, что натворила. Мамы тогда не было дома, я взяла ножницы, зашла в ванную и вскрыла себе вены, – Элен задрала рукав, на нём был огромный шрам вдоль кисти. Ужасающее зрелище: такая маленькая, нежная рука и огромный уродливый шрам, словно ураган прошёлся по маленькой полянке в глуби леса, усеянной цветами и ягодами, но после урагана там был лишь чернозём, вырванные с корнями деревья и абсолютный хаос. – Мама пришла через минут десять, как я по-

прощалась с жизнью, вытащила меня из ванной и вызвала скорую, меня отвезли в больницу и по итогу спасли. Я потеряла много крови и долго не приходила в сознание, сколько ночей мама не спала и лила слёз, трудно сказать. Она винит во всём себя, и когда я очнулась, она стояла на коленях и просила у меня прощения – я не могла на неё сердиться, у меня не было на это права. Мы спали в обнимку каждую ночь, что я была в больнице, прошло несколько недель и меня выписали, я отправилась на реабилитацию в центр психологической помощи. Со мной работали психологи ни один месяц. Конечно, мама с того момента была рядом со мной каждую секунду, но я думаю, она так и не смогла себя до конца простить за то, что со мной случилось. Я перевелась в другую школу, забыла все прошлые знакомства из своей жизни и начала жить заново, а потом, появился ты – первый, кто заговорил со мной в новой школе, первый, кто дал мне толчок к нормальной жизни, первый со словами признания в любви, меня это шокировало. Я... я не ожидала, не надеялась на то, что могу хоть кому-то понравиться, я же ненормальная!

Она вся дрожала. Казалось, что дотронься я до неё, и она рассыплется, как песчаный замок.

– Ох, глупышка... Элен, послушай, ты словно маленькая лампочка в тёмной, холодной пещере, освещаешь мой путь, и мне хочется наполнить твою жизнь смыслом, а свою тобой. Мне никто так не западал глубоко в сердце... Ты самое яркое в моей жизни событие... Всё, что ты мне сейчас рассказала –

это ужасно, и я даже наполовину не могу понять, как тебе было тяжело и плохо, но я буду рядом, я не дам тебе снова натворить глупостей, я буду беречь тебя!

Лицо Элен наполнилось теперь не только слезами, но и улыбкой, странное зрелище – я и вправду ей нужен, а она нужна мне, особенно сейчас...

– Ты действительно этого хочешь?

– Я уверен в этом, таких эмоций и чувств раньше я не испытывал – это много значит для меня, я хочу быть с тобой!

После этого, в полной темноте я взял её за плечо, а затем медленно приблизился к её лицу. По правде говоря, я никогда не целовался, и меня обуревал страх перед неизведанным. И так получилось, что Элен это заметила и, крепко обхватив меня, поцеловала прямо в губы. Винсент говорил, что всё произойдёт само собой и особо напрягаться по этому поводу не стоит. Так и произошло – я слился с ней в страстном поцелуе, удивительное тепло стало обуревать меня, такое нежное и приятное. Каждая часть тела будто испытала электрический разряд. Правда, было немного мокро, слёзы с её глаз не переставали капать ни на секунду. Мы долго целовались; я не осознавал, что меня в тот момент укусило, но я решил, что будет продолжение банкета. Я, осторожно повалив её на больничную койку, спросил:

– Ты хочешь...? – Она тихо посмеялась, глаза перестали мокнуть, в них тоже появилась решительность. Элен стала расстёгивать мокрую от дождя кофту, мне понадобилось се-

кунд десять на осознание всего, а дальше, как в фильмах для взрослых: я раздел её по пояс, Элен начала снимать свои брюки, её мягкая, бархатная кожа, пахнувшая чем-то действительно вкусным, коснулась моего тела. Я опустил лицо в её тонкую, изящную шею и стал опускаться ниже...

Всё происходило словно бы в другой реальности, она тихо стонала, моё дыхание сбилось. Пожалуй, то, что я испытывал – самое приятное событие в моей жизни, соединение двух наполненных пылкой страстью друг с другом тел в единое целое показалось лучше, чем дышать...

Когда мы достигли пика удовольствия, она крепко сжала мою спину и издала поистине возбуждающий звук. Я словно растворился в бассейне блаженства, даже нестерпимая боль в рёбрах ушла на второй план. Чувства переполняли меня, я благодарил ту злостную машину за предоставленную мне возможность стать мужчиной, я даже на какое-то мгновение полностью перестал думать о том, что сказал мне врач.

После нашей страсти Элен лежала у меня на груди и, обхватив своими упругими ногами мои, спросила:

– Всё же будет хорошо?

В этот момент мне стало так тоскливо, и я словно спустился обратно в тот чёртов морской омут. Я не стал её расстраивать, не время сейчас, поэтому просто сделал, как все люди – соврал:

– Конечно, моя радость...

Элен улыбнулась и ещё крепче обняла меня.

Прошло часа два, я не спал, не мог спать, мне просто хотелось трепать её волосы всю жизнь. Комнату наполнили серо-синие пастельные тона, похоже, солнце начинает свой поход в новый день. Девушка, охватившая меня всем своим прелестным телом, крепко спала, и я аккуратно вылез из-под одеяла, охраняющего нашу любовь. Я надел свою сорочку и вышел из палаты. Пустые коридоры больницы напоминали сцену из фильмов ужасов. На стене рядом с палатой висел план больницы, мне нужна была комната с вещами пациентов – это помещение находилось на этаж ниже. Я пошёл прямо по коридору и обнаружил лестницу. Когда я спустился, моему взору открылась картина: в приёмной на кресле сидела пухлая, лет сорока женщина, по всей видимости, она работала тут – на ней была синяя форма, как у медсестёр. Она крепко спала и иногда даже похрапывала, а прямо за ней была дверь с надписью «вещи пациентов» – на весь коридор горела лишь одна лампа, которая как раз и освещала приёмную. Я увидел имя этой женщины на форме «Хлоя». Но это не так уж и важно, важно было перелезть через этот V-образный стол, не разбудив Хлою, тихо проникнуть в заветную дверку, взять свои вещи и смыться.

Я стал перелезать через стол, на ногах у меня были белые больничные тапочки, а под сорочкой совсем ничего, мне стало даже немного холодно в интимных зонах. Перелезая через ресепшен, я коснулся чего-то ногой и уже слишком поздно понял – это была стопка каких-то бумаг, и она доста-

точно громко упала на пол. Я замер, моя голова повернулась вправо – Хлоя, которая спала в кресле, даже не пошевелилась, она и дальше продолжала сладко похрапывать с чуть открытым ртом и глуповатой физиономией. Мне вспомнилось, как в детстве я часто любил ходить на кухню ночью и брать что-нибудь вкусненькое, но была проблема – дверь в моей комнате очень сильно скрипела, и мне приходилось неимоверно напрягаться, чтобы открыть её бесшумно, а если всё-таки скрип был, я замирал, словно опоссум, впадая в анабиоз. Мама просыпалась со словами: «Джеймс, почему ты не спишь?!» – я до смерти пугался и в один прыжок оказывался в своей постели, делая вид, что никакой двери я и не пытался открыть. Вот сейчас я чувствовал себя примерно так же: состояние напряжения, тревоги и полного сосредоточения, мне даже стало слышно своё сердцебиение. Путь до желанной двери я проделал без особых трудностей, стоя перед ней, я ещё раз окинул взглядом медсестру и вошёл.

Помещение было небольшим, всё заставлено огромными полками, на которых были расставлены коробки с надписями имён пациентов. Я прошёл почти в самый конец и увидел коробку, из которой торчал кусок порванной серой кофты – это была коробка с моим именем. Заглянув в неё, мне стало не по себе. Кофта была запятнана кровью, только сейчас я понял, что всё это время на голове у меня была повязка, похоже, удар пришёлся об асфальт, и я действительно потерял много крови. Кстати, в зеркало я ещё себя не видел, от это-

го стало страшнее и холоднее внутри. Вдруг авария сделала из меня уроды...

«Хотя такого красавчика ничего не испортит», – сказал я шёпотом сам себе.

В коробке были мои кеды, оборванная одежда, ключи, но самое главное – в кармане кофты лежала пачка сигарет, ради этого я сюда и добирался. Я взял кеды и сигареты, хотел уже направиться к выходу, как вдруг осознал, что тут так много вещей ещё можно найти, и будет кощунством не воспользоваться этим; вполне возможно, что многие хозяева этих коробок уже давно мертвы, им не понадобится, а я пока что живой.

Прошло минут двадцать моих поисков в этом коробочном мире, после чего я обзавёлся узкими клетчатыми брюками от некоего «Матис, улица Свободы, дом 7, квартира 46» и новой чёрной толстой кофтой, она была на размера два больше, но это наоборот ещё больше мне шло, спасибо этому парню.

Выходя обратно, первым делом я обратил внимание, что в кресле, где спала женщина, уже никого не было, а по коридору стали ходить уборщицы. Всё это доставляло мне дискомфорт. Я вышел из-за ресепшена и направился к лестнице, ведущей к моей палате. По пути я встретил уборщицу, мы обменялись взглядами, и она спросила:

– Ты почему в такой ранний час по больнице бродишь, тебе что тут нужно?

– Я пациент, – спокойно сказал я, – мне нужно было узнать, есть ли в больнице что-нибудь покушать, не спится сегодня что-то...

Уборщицей была старушка лет шестидесяти, с морщинами на лице и крашеными рыжими волосами, она стояла со шваброй, как Наполеон с саблей, и глядела на меня исподлобья.

– Бедный парень, я вижу, у тебя на голове бардак полный, болит, наверно? – спросила бабуля.

– Не буду скрывать, дискомфорт ощущается...

– На первом и последнем этаже есть автоматы с кофе и перекусами, а столовая откроется только в восемь утра, – гаркнула бабушка.

Что-то есть в таких людях, вроде ничем не примечательны или на вид даже агрессивны, но на самом деле очень доброжелательны.

Я поблагодарил её и прошёл к своей палате.

Когда я зашёл, моё лицо расплылось в глупой улыбке: на койке, закутавшись в белое одеяло, лежала обнажённая девушка, такая прекрасная и мирная. Она спала, обняв подушку своими изящными руками, будто их нарисовал лучший художник эпохи Ренессанса, каждый мазок был написан именно в том месте, где нужно. Я подошёл к окну, отодвинул жалюзи и открыл его. По ощущениям мы находились на этаже шестом, было видно сонные улицы и парочку птиц в небе.

Высунув голову наружу, я вдохнул этот дивный запах,

влажный запах ночи, которая слилась с утром. Из рта шёл пар, я полез в карман и достал пачку сигарет.

Чувство, когда не курил так долго, и рецепторы уже позабыли эти ощущения, как будто в первый раз. Я помню его, было лето, и мы с друзьями нашли у моей мамы в шкафу сигареты, мне стало интересно, и я закурил. Я не закашлял, но у меня болела голова, тогда я счёл это глупым занятием. Но буквально через месяц со мной случился небольшой казус. Тогда я угодил в передрагу, до нас с Винсентом докопалась кучка омерзительных парней из-за как раз таки сигарет. Я ответил, что не курим, после этого нас дружно отпинали и обыскали все карманы, забрав жалкую горсть монет. После этого я чувствовал себя паршиво, меня стыдила мысль, что я не смог постоять за себя, хотя сил мне хватало, но я просто растерялся и оцепенел. Я не выходил на улицу недели две, но в один дождливый день мне захотелось пройтись. Я прошёл пару улиц до ларька, где продавали алкоголь и сигареты людям всех возрастов, взял себе пачку и начал курить. Боже... Мне стало легче, проблемы будто улетели вместе с дымом, не знаю почему, но мне стало спокойней, наверное, я сам себе это внушил, как бы там ни было – груз упал с плеч. Пока я вспоминал об этом, половина табака уже сгорела, я услышал сзади шорох – Элен проснулась. Она, закутавшись по шею в одеяло, подошла ко мне и прижалась к моей спине.

– Доброе утро, – сказала она так ласково, что у меня поползли мурашки по коже.

– Доброе...

– Я вижу, ты приоделся, давно встал?

– Не ложился, это было бы преступлением: спать, пока рядом со мной спит такая принцесса.

Она смущённо заулыбалась, её короткие волосы примерно по шею были такие густые и мягкие. Элен напоминала мне чем-то миленькую овечку, которая зачем-то решила дружить с волком.

– Ты действительно так думаешь? – спросила Элен.

– Я тебя люблю, – вот дурак, брякнул не подумав, давно во мне эти слова таились.

– И я тебя люблю, Джеймс, – она сказала это с такой теплотой в голосе, что у меня подкосились ноги, – дай сигарету, не курила полгода, страсть как хочется.

Я не был правильным человеком, если кому-то также, как и мне, нравится убивать своё здоровье, то я не стану никого останавливать. Сделав ещё затяжку, я передал своей новоиспечённой пассии сигарету. Взяв её своими миниатюрными пальцами, она поднесла фильтр ко рту и вдохнула канцерогенный дым, затем полезла ко мне под руку, и мы стояли так, пока не вылез рассвет.

Мы общались о всякой ерунде: школа, природа, книги, фильмы, но в один момент я спросил:

– О чём ты мечтаешь?

Элен задумалась, её гладкий лобик образовал несколько небольших складок, и она ответила:

– Уехать отсюда, куда-нибудь далеко на край света, жить на берегу моря, где нас будет окружать лишь ветер, пришедший с полей, по вечерам мы бы разводили костёр, смотрели на звёзды, обнимались и целовались до самого утра... Знаю, всё это звучит банально, но самые искренние желания и чувства на самом деле так просты и понятны...

– Мы обязательно придём к этому, наши мечты похожи, – сказал я, и в теле у меня засветился яркий фонарик, жизнь заиграла в других тонах, но лишь на какое-то время...

Я погладил её по лицу и поцеловал, на мой взгляд, уже лучше, чем было до этого.

Глава VI

В обед ко мне пришла мама, она, естественно, всё знала.

– Как ты себя чувствуешь, мальчик мой?

– Честно сказать, паршиво...

Глаза у неё были заплаканные, руки дрожали, но она старалась держаться на присущем ей позитиве.

– Мы будем пробовать все варианты лечения, главное – не сдаваться, я всегда с тобой, ты же мой самый любимый на свете сын, и у тебя вся жизнь впереди!

– Надеюсь... Мне немного страшно, но я постараюсь бороться ради тебя и себя, конечно же, рано мне ещё умирать, – сказал я без особого энтузиазма в голосе, эти слова были сказаны больше для мамы, точнее, только для неё.

– Даже не думай так, а говорить уж тем более не смей, врачи сказали, что на 40 процентов всё зависит от твоего настроения!

Я не стал огорчать маму понапрасну, ей сейчас тоже тяжело, не люблю, когда она волнуется.

Потом мы крепко обнялись, и мама спросила:

– Тебе чего-нибудь принести?

– Спасибо, ничего не надо, я пока хочу побыть один...

– Хорошо, звони мне сразу, если что-то понадобится, я тебе с кем-нибудь передам, мне пора на работу, но я так не хочу от тебя уходить, – сказала она чуть со слезой в голосе.

– Не нужно, мам, деньги нам тоже понадобятся, иди спокойно работай, я никуда не денусь.

Она посмотрела на меня, как смотрят мамы на своих детей, улыбнулась, поцеловала меня в лоб и ушла на работу.

Прошла неделя, меня уже собирались выписывать из больницы. Я знал, что ничего уже не будет как прежде, жизнь поменялась, и пока что не ясно, в лучшую или худшую сторону. Всю неделю меня кто-то навещал, Элен была со мной постоянно, меня это ничуть не смущало; она грела разорванный и сожженный клочок моей умирающей субстанции, которую ещё вроде называют душой. Винсент заходил каждый день после школы, приносил по моей просьбе мороженое, я так люблю эту холодную сладость, а на контрасте с едой, которую готовят в больнице, при каждом укусе я впадал в детский восторг. Доктора ходили ко мне постоянно, я сдавал различные анализы, когда меня в первый раз повели брать кровь из вены, я был встревожен. Причиной этому являлся мой непонятный страх, мне не страшно было, если бы меня ввели в наркоз, если бы вкололи обезболивающее и делали операцию, скажем, на glandax, но вот именно тот факт, что в меня воткнут острый предмет и начнут вытягивать из вены жизненно необходимый организму продукт, вводил меня в тремор. Когда всё же это случилось, я настолько испугался, что не почувствовал, как кровь уже взяли, после этого раза я стал увереннее проходить подобного типа процедуры, а проходил я их крайне много. Страх

может иногда и помочь, может, он поможет мне наконец-то взлететь в осознанную жизнь, о которой я так мечтаю. О которой я пока ещё могу мечтать, ведь неизвестно, что будет со мной завтра. Конечно, эти мысли без конца меня навещали. Элен я сказал, что болен, но болезнь лечится, по факту почти и не соврал, она-то лечится, но не в моём случае.

За ночь перед выпиской я не удержался – в два часа ночи меня разбудила ужасающая головная боль и начало очень сильно тошнить, мутило страшно; я выпил обезболивающие, оделся и юркнул из палаты. За больницей был небольшой парк. Ночь была холодной, а небо усеяно тучами, из-за которых выглядывает частичка желтоватой луны.

Я подошел к самой дальней лавочке возле сосен, присел, засунул наушники в уши, посмотрел на небо, на больницу, бездумно включил камеру на телефоне и посмотрел на себя. Больше я терпеть не мог, слёзы покатались одна за другой, мне хотелось закричать, но даже на это не осталось сил. Я начал понимать, что скоро умру, что не смогу больше увидеть маму, друзей, Элен... Мне стало так обидно и плохо, я сидел и давился своими горькими слезами ещё минут сорок. В этот момент меня обуревают гнев на жизнь, на то, как она бывает несправедлива, я боялся... Я чертовски сильно боялся. Болезнь, которую у меня обнаружили несколько дней назад в мозгу, крайне редкая и практически неизлечима, мне удавалось жить в мыльном пузыре до этого момента, но вот он лопнул, и все силы меня покинули. Жизнь дерьмо, и мне

забыли положить с собой лопату, чтобы я это дерьмо разгребал. Врач сообщил, что я в любой момент могу просто отключиться, и не факт, что проснусь снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.